

шивали красный флажок или платок. В конце XIX—начале XX в. в ст. Прохладной на крышу дома взбиралась молодежь, в ст. Екатериноградской — только дружки, устанавливали там стол с водкой и закуской и пировали. Впоследствии это перестали делать, но красный флаг на крыше вывешивали еще долго. В ст. Екатериноградской при этом пели;

"А на хате зелье, А в хате веселье".

Из дома жениха в дом невесты отправлялся процессия, известием или с весельем. В ст. Прохладной в конце XIX в. этот обряд исполняли еще в первый день свадьбы вечером, после того как поднимали молодых. Там он назывался по-украински—перезва. По дороге к дому невесты пели песни, в которых воздавалась хвала невесте и ее родителям.

В ст. Прохладной пели:
"Не бойся, матинко, не бойся, В червонны чобитки обуйся"...

Эта песня, очевидно, украинская по происхождению, была широко распространена не только на Украине, но и на Дону, на Северном Кавказе. Ее влияние заметно в первых строках песни, которую пели в ст. Екатериноградской:

"И Верушка за батюшкой послала: — Иди, иди, мой батюшка, не бойся, В чгронные чеботушки обуйся, Чтобы чеботушки брунчали, И чтобы свежорышки молчали. И Верушка беседушку собрала И вывела отца, матерю из стыда. И Верушка на садку ходила, И Верушка калинушку ломала, У Верушки ребятушки калинушку просили, А Верушка ребятушам не дала, Своему Колошке отдала".

В этой песне значение, которое имела калина в свадебной обрядности и фольклоре восточных славян, выражено предельно ясно. В других станицах пели иные, но довольно близкие по смыслу песни, в которых часто шла речь и о калине, и о невесте, и о ее родителях. Так, в ст.

Котляревской невесту называли в песне «честного батька дочкой»).

В ст. Екатериноградской свашка и дружка, отправляясь к родителям невесты, несли длинную палку с привязанной к ней красной лентой, в ст. Приблизной — палку с красным флажком. Во многих станицах во второй день свадьбы гостям прикалывали к одежде красные ленточки.

Утром второго дня свадьбы свашка и дружка или подруги невесты приносили от ее родителей завтрак молодым. В ст. Солдатской и Прохладной жених и невеста сами шли к родителям невесты завтракать. Завтрак состоял из курицы и меда, иногда также сладких пирогов. Жених ломал курицу, раздавал ее присутствующим. В ст. Приблизной и Александровской это воспринималось как знак «честности» невесты, в противном случае жених курицу не ломал.

В ст. Прохладной и Котляревской жених и невеста шли к ее родителям, жених благодарил их за дочь, кланялся им. В ст. Солдатской и Екатериноградской, напротив, родителей невесты приводили в дом жениха, он благодарил их там. В ст. Екатериноградской мать жениха шла к матери невесты и несла ей шашку, политую медом и украшенную калиной. В ст. Александровской гостям давали по кусочку шашки с медом.

В ст. Прохладной, Екатериноградской, Александровской гости в этот день наряжались цыганями, врачами, медведями, мужчинами — женщинами, женщины — мужчинами. Одно из мужчин наряжали невестой. Веселье и в доме жениха, и в доме невесты продолжалось ночи.

Если же невеста была «нечестной», второй день свадьбы проходил совершенно иначе. Красный флаг над домом не вывешивали, красные ленточки гостям не прикалывали. В ст. Екатериноградской выстрелами с улицы разваливали трубу дома (если невеста была «честной», то стреляли со двора милом трубы). В ст. Котляревской невест-

те на завтрак вместо меда приносили перец или что-нибудь горькое. По дороге к дому невесты родственники жениха пели песни, позорящие невесту и ее родителей. В ст. Котляревской ее называли «нечестного батька детиной» или даже «чертова батька дочкой». В ст. Александровской ее называли «нечестного батька детиной» или даже «чертова батька дочкой». В ст. Котляревской ее называли «нечестного батька детиной» или даже «чертова батька дочкой».

Родителям такой невесты или одному из них (чаще матери), а иногда самой невесте надевали хомут и водили их по станице. В ст. Екатериноградской вместо хомута могли надеть дырявый тазик. В ст. Александровской одному из родителей надевали хомут, другому — связку перца. Где-то этот обычай исчез раньше, где-то сохранялся дольше, но во всех станицах о нем еще помнят.

Причины появления этого обычая могут быть разными, но, во всяком случае, у восточных славян он встречался довольно часто, известен был и западным славянам.

В конце XIX в. свадьба в ст. Прохладной продолжалась более недели. Согласно свидетельству очевидцев, она проходила следующим образом: «вся родня жениха и невесты собирается к своему свату (сватом называются тот, кто женит, и тот, кто отдает) и пьют там до обеда; после обеда идут к кому-нибудь из родни, а потом опять к свату «до чепка» и там пьют до самого света. С рассветом собираются у жениха и невесты и «похмеляются», а отсюда снова идут по дворам к очередным из родни, и так повторяется каждый день, пока не обойдут всю родню. Во время этих гуляний сколько бывает безобразия в виде неприличных песен, ссор, драк и даже разврата! Сколько упускается рабочего времени! Сколько пропивается денег и хлеба!»

Эти упреки не вполне справедливы — жители Прохладной действовали не по собственному произволу, а в соответствии со старинными свадебными традициями. Этим объясняется и продолжительность свадьбы, и необходимость

больших расходов, и поочередный обход всех родственников жениха и невесты, и свадебный разгул, и «неприличные» песни, и т.д. Однако уже в конце XIX — начале XX в. один из этих обычаев стали казаться слишком разорительными, другие — неприличными, свадебная обрядность постепенно упрощалась и сокращалась. Этот процесс привел к тому, что продолжительность свадьбы в большинстве станиц на территории Кабардино-Балкарии уменьшилась до 3 дней.

Среди обычаев третьего дня свадьбы выделяется один, который в 20-е гг. соблюдался едва ли не во всех станицах. Все гости приносили в дом жениха кур. В ст. Котляревской и Екатериноградской гости в этот день рядились цыганями. В этих станицах именно ряженые собирали кур, целились в них из ружья, делали вид, что стреляют. Все гости должны были дать им по курице, иначе они могли сами убить или украсть ее. В ст. Екатериноградской петуха украшали лентами, цветами, несли в дом жениха, там из кур варили лапшу

В ст. Екатериноградской в начале XX в. свадьба заканчивалась тушением огня. Гости собирались у родителей невесты, разжигали костер из соломы и прыгали через него до тех пор, пока солома не сгорала. Потом они шли к жениху и делали там то же самое. Впоследствии костер стали разжигать только у жениха, в воротах двора, каждый из гостей перепрыгивал через него и уходил. Подобный обычай существовал и в ст. Приблизной. Здесь костер раскладывали на улице рядом с двором жениха. Гости перепрыгивали через него и получали по стаканчику вина и по кусочку лежня. Они, как говорили в Приблизной, овины жгли. В других станицах не было принято жечь костры в знак окончания свадьбы. В ст. Котляревской костер раскладывали в воротах на второй день свадьбы. Опоздавшие гости должны были через него перепрыгнуть.

В ст. Александровской костер разжигала та свашка, которая

приходила раньше во второй день свадьбы. Тогда другая свашка должна была возить ее на себе.

В ст. Екатериноградской на следующий день после тушения огня гости приходили похмеляться. В ст. Котляревской на 4-ый день женщины приходили помыться. В ст. Прохладной через неделю после свадьбы жених и его родственники шли к теще на калачи. В ст. Приблизной через 2 недели после свадьбы устраивались отводы — родственники жениха шли к родителям невесты, благодарили их. Но это было уже началом после свадебной обрядности.

Брачная ночь — один из основных свадебных обрядов, физическое и правовое скрепление брака. Брачная ночь обычно следовала за венчанием и свадебным пиром и проходила в доме родителей жениха. При этом использовались постельные принадлежности из приданого невесты. Высокое брачное ложе сооружали на деревянном настиле. На доски укладывали мешки с мукой, ржаные снопы, несколько матрасов, набитых сеном, иногда перину, множество подушек. Все это покрывали белой простыней с вышитым подзором, спускавшимся до самого пола, красивым одеялом. Постель для новобрачных застилали постельницы — свашки со стороны жениха и невесты, а также мать или сестра жениха. После того как устройство брачного ложа было закончено, постельницы укладывали под него кочегру, сковородник, несколько поленьев и обходили постель с веткой рябины или можжевельника, которую потом втыкали в стену.

Считалось, что кочегра, сковородник, можжевельник, рябина могут обеспечить новобрачным защиту от злых сил, мешки с мукой и ржаные снопы — благополучие в совместной жизни. Поленья же символизировали будущих детей: чем больше положить поленьев под ложе новобрачных, тем больше будет у них детей.

На брачную постель молодых провожали дружка, свашки, иног-

да все свадебники, т. е. все приглашенные на свадебный пир. Проводы новобрачных сопровождался хохотом, шумом, прибаутками, эротическими наставлениями, песнями. Свадебники, провожавшие новобрачных на постель, хором пели:

"Ах, на горе, горе, на высокой на горе,

Роспахана пашенка, роспахана пашенка,

Роспахана пашенка, посеяна пшеночка.

Во ту ли во пшеночку повадилась курочка,

Повадилась курочка, курка — черный хохолок.

Негде взляся петушок, серебряный гребешок,

Серебряный гребешок да золотое перышко.

Схватил курку за хохол, повел курку во терем,

Бросил курку на кровать, учал курочку топтать,

Учал курочку топтать, под ним курка хохотать:

Ха-ха, ха-ха, петушок, серебряной гребешок,

Серебряной гребешок, золотое перышко".

Кроме того, вслед новобрачным раздавались срамные частушки:

"Молодые спать пошли, Богу помолились, Чтобы пуще в одеяле Ноги шевелились".

В станицах донских казаков всем гостям второго дня свадьбы прикалывалась гроздь калины. Нередко при благополучном исходе брачной ночи начинали бить горшки, приговаривая: «Сколько кусочков, столько сыночков, сколько в лесу кочек, столько дочек».

В случае «нечестности» молодой женщины, утратившей девственность до брака, ее родители надевали на шею хомут, отцу новобрачной подавали пиво в дырявом стакане. Такому же унижению подвергалась и сваха: «Свахе первая чарка и первая палка».

У каждого новорожденного казака или казачки, помимо кровных отца да матери, были крестный отец и крестная мать. О выборе крестных кровные родители заботились заранее. Это не должны были быть родственники (как принято сейчас). Крестного подбирали отец — это должен быть человек надёжный (кунак, односум, поворотим и т.п.), у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. И немаловажный фактор и крестный отец и крестная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка — жить недалеко от крестника (крестницы).

Крестную подыскивала кровная мать из числа своих подруг (желательно хотя бы немного старше её возраста).

Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крестного — он делал из казака воина. Главная же задача крестной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке, как к жене, матери и хозяйке.

Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крестная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крестный в данном случае формировал в казачке отношение к казачку, как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

После рождения ребёнка особо не торопились распеленывать. Побystрее научить его двигать ручками и ножками — была не самоцель. Ребёнок должен сначала увидеть и осознать неизвестный ему предмет, а уж потом потрогать, «взять на зубок».

В дальнейшем процесс «увидел-осознал-сделал» ускорился. Именно так поступает казак в критической ситуации. И нет паники и ненужных движений, потому что сначала оценил, а потом сделал.

После крестин казачонку клали шашку (кинжал) либо пулю (раньше стрелу), что называется «на зубок». И наблюдали за его реакцией: если начнёт с ней играть — добрый будет казак, если же расплачется — есть над чем задуматься.

Далее, мальчика всегда старались окружать именно теми вещами, которые являлись непременимыми атрибутами жизни казаков. Вообще, подобные «гадания» проводились на протяжении всего времени обучения-воспитания казака. Сейчас это называли бы «тестами». Поэтому у казаков было принято так: сначала казачонка ставили в определённые условия, далее, смотрели на его реакцию, выявляли недостатки и достоинства, и уже потом начинали его корректировать и вырабатывать необходимые навыки и качества.

При подобном подходе нарабатывалась и скорость мышления, и адекватная реакция на внезапно

изменяющуюся обстановку и появление чего-то нового. Всё это постоянно ускорялось во времени.

А таких «тестов-гаданий» было очень много. Были общепринятые, и были родовые. В каждом роду свои.

Когда казачонку исполнялся год, его вели к первому причастию. В год у казачонка многое было впервые. Впервые его одного сажали на коня, надевали на него отцовскую шашку, отец брал коня по узды и проводил его по двору.

И ещё один обряд совершался в год от рождения. Собирались все мужчины рода и вели мальчика на священное место своей станицы (или хутора). У донцов оно называлось «урочищем», у черноморцев «кругликом». Там совершались действия, позволяющие передать на духовном уровне силу и знания рода новому поколению.

Первые шаги в обучении и воспитании делались в семье. Вся система, если её можно так назвать, строилась именно на родовых и товарищеских принципах существования.

Весь процесс развития казака строился по спирали. Каждый виток в ней — это замкнутый цикл, и занимал он определённый возрастной период.

Следующий круг начинался с того же, но на новом качественном уровне. Каждый из этих уровней включал в себя физическое, интеллектуальное и нравственное (духовное) развитие. В зависимости от возраста одна из этих категорий была главенствующей, а остальные, как бы сопутствующими.

Знаю, что физическое развитие было основным в возрасте от 8 лет (в некоторых семьях от 7 лет) и до 12 лет. (Современным детям наверно стоит пару-тройку лет накинуть. Сравните: 200 лет назад казак начинал боевые походы с 16 лет, а сейчас юноши-мужчины и к 20 годам не все готовы к испытаниям.)

До 7-8 лет казачонок жил на женской половине куреня. В этот момент воспитание шло и от женской части семьи и от мужской. В основном в его основе лежала наглядность. И главное здесь — личный пример старших и погружение мальчика в соответствующую среду.

А что в себя включала именно казачья среда обитания для казачонка? На стене в курене шашка отцовская (или дедовская). Нагайки у двери и в руках казаков. Лапгасы, папахи, фуражки на близких мальцу людях. Кресты и медали на груди деда, отца, дядьки или крестного. Кони везде, у себя на базу, на улице, у соседей, в степи за станцией...

И, естественно, вопросы: что это и зачем это (ведь малец изучает мир сразу с казачьего окружения, а не как сейчас с «диснеевского»).

И ответы старших на них: лапгасы — это символ казака, шашка это наше казачье оружие и символ казачьей воли, конь — это друг и това-

ВОСПИТАНИЕ КАЗАКА

рищ казака, кресты и медали — это отличия за участие и подвиги в военных компаниях. А ещё сказки на ночь, о том, как казаки побеждают ведьм и чудид несусветных, и как с честью выходят из той или иной ситуации. А ещё песни, которые казаки и казачки постоянно поют. О славе казачьей, былых походах, битвах и героях. А ещё пословицы и поговорки из уст старших. Станичные праздники, где казаки и казачки поют, пляшут — кто лучше. Состязания в кулачках, в стрельбе, в скачках и джигитовке, в фехтовании.

Всё это перед глазами мальчика-казачонка. Всё это формирует в нём причастность именно к этой группе людей. К СВОИМ.

В этот период мужчины следили за тем, как формируется казачонок. Женщинам всё меньше позволяли сюсюкаться с ним: «Не портьте, бабы, казак!» Если где-то ушибся и заплакал, то получали: «Не плачь, ты же казак, а казак не плачет!» И тогда в казачонок постепенно складывалось убеждение, что то, чём поют и что говорят старшие, то они и делают, такие же поступки и совершают. И это всё настоящее. И так же будет поступать он сам.

Видимо существует определённый образ Казака, идеального Казака, на основе которого сложилась вся казачья культура бытия, ну и конечно воспитания. У запорожских-черноморских казаков это похоже Казак Мамай. У донских казаков имени либо вовсе не было, либо оно не сохранилось. Но образ существует.

Небольшое философское отступление: Если попробовать интуитивно сравнить образы Первого Запорожца и Первого Донца, то большие различия мы не увидим. Отличия прослеживаются лишь в том, что у Запорожца большая тяга к Воли

(свободе) и больше в нём печали. (Печаль понятна — разгон Сечи, многочисленные переселения с родной землёй...). Да, ещё одно отличие есть. У Запорожца большая тяга к товарищескому способу проживания. У Донца — к семейно-родовому.

Ну и, ко всему прочему, игру на улице со сверстниками. Игры были устоявшиеся веками, и естественно направленные на развитие казачки. Практически все они проходили под присмотром станичных (хуторских) стариков, которые строго следили за поведением каждого из казачат. И в том случае, если кто-то вёл себя недостойно, старики вдохновенно наставляли и поправляли нерадивого.

С 8 лет казачонок переселяли в мужскую половину куреня. В это время снова проводился обряд в урочище. С этого же времени казачонок учился владеть нагайкой.

Вообще, нагайка предмет очень символический для казаков и очень древний. С ней связана а легенда о Егории Храбом, и ещё более древние легенды о змеборцах. Кстати, казаки раньше никогда не выясняли отношения между собой кулаками. Говорят, боялись поубивать друг друга. А вот нагайками частенько охаживали друг друга в пылу спора. С этого же времени казачонок начинали приглашать на «беседы».

Основным моментом в воспитании казака в данный период являлось следующее: научить его справляться с собственным страхом в любых его проявлениях. И, наблюдая реакцию казачонка, старшие говорили: «Не бойся, казак ничего не боится!», «Терпи, казак, атаманом будешь!»

Существовало множество игр-упражнений для развития казачат. Упражнения естественно не в

том виде, в каком мы их понимаем. Это скорее упражнения-тесты. Они выявляли наличие того или иного качества либо навыка у казачат. И казачата делали эти тесты-игры, соревнуясь между собой (играя). И в эти игры казаки играли чуть ли не всю свою жизнь.

В 12 лет процесс физического обучения в основном завершался. Именно обучения, но не развития. С 12 лет казачонок приучали к боевому оружию — шашке (кинжалу).

Про Спас (казачью систему выживания) скажу словами одного из казаков.

Казаки народ родовой с твёрдыми правилами поведения, как в семье, так и в обществе.

Начало вхождения ребёнка-казака в Спас начиналось с его крещения. В этот момент у него появлялись его духовные родители — крестный и крестная!

По мере возрастания задачи Спаса усложнялись, но основным направлением воспитания молодого казака или казачки было не физическим, а духовным. Только через понятие духовности молодые казаки снова и снова возвращались к физическому развитию. Без молитвы и понятий Бога жизнь казаков как раньше, так и сейчас не ставилась.

В самом Спасе приёмов как таковых нет, нет и весовых категорий. Пословица — «Казак не тот, кто победил, а тот, кто вывернулся — спасся!» Именно Спася!.. То есть «Спас».

В Спасе, когда человек уже готов к первому уровню есть только два принципиальных действия соединяющиеся в одно: 1) очень быстрое мышление на принятие единственно-правильного решения; 2) очень быстрое действие на выполнение единственно-правильного решения, для противника порой даже не заметного.

При достижении второго и третьего уровней Спаса у молодого казака развивают интуицию. Это шестое чувство воина есть практически самое главное. Оно помогает казачу-человеку как в мирской битве, так и в духовной. Он всегда отличает подлека от честного человека. Настоящая схватка всегда скоротечна, но подготовка к ней долгая. Подготовленный человек выигрывает её ещё до схватки!..

Первое, что необходимо в воспитании неказачьего молодого поколения, это воспитание умения управления собственным страхом. Человек изжить страх не может, так как он необходим для сохранения его жизни. Но управлять страхом можно. При этом отсутствует какая-либо психомобилизация.

Основной критерий человека, занимающегося Спасом, это нравственность. Вначале это не ощущается, но с увеличением скорости мышления данный критерий неспроста ощущается. Он начинает присутствовать сначала на каждой тренировке, а затем и в самой жизни чело-

века. Человек начинает понимать, что он ведомое существо в данной системе мироздания. Что без диалога с Богом в другие уровни Спаса он не сможет войти, если его моральный образ низок. Тот, кто пытается применить тут хитрость быстро убеждается в этих предупреждениях. Эти люди начинают приобретать сначала небольшие, а затем всё серьёзнее травмы. Вплоть до разрыва мышц.

Одни, поняв происходящее, начинают другую жизнь, где Спас становится одним из показателей правильности поведения. Другие же просто прекращают заниматься Спасом. Им становится понятно — на чьей они стороне.

О роли отца и роли крестного в воспитании.

С 8 лет главная роль принадлежала крестному. Именно он по большому счёту обучал мальчика казачьей науке. Но кровный отец мог быть излишне мягок в отношении своего сына. Крестный же мог быть излишне суров. Поэтому родной отец останавливал крестного, когда дело могло принять опасный оборот, а крестный не давал отцу жалеть сына.

Пример процесса обучения видения летящей пули: — проводится на изгибе реки, стрелок (крестный) находится в 80-100 шагах от казака с сыном, — в 10-15 шагах от наблюдающих за выстрелом находится мишень, — по сигналу отца крестный производит выстрел в мишень, казачонок должен заметить пролетающую пулю.

С 12 до 16 лет — ещё один цикл в воспитании казака. И опять же он начинался и заканчивался обрядами в урочище. С 12 лет казачонок начинали водить на круг (сход) и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача — смотреть и запоминать. И в 16 лет по готовности казака его ждало более серьёзное испытание — в основном это была охота на хищника (волка, кабана).

И вот после такого воспитания и обучения получался «матёрый казачина». Правда есть одно уточнение: «матёрый» казак появлялся в третьем поколении. Естественно, если первое и второе поколения были тщательно подготовлены и жили в битвах и сражениях.

Вот примерно всё, что могу сказать по этому вопросу. Я попробовал описать общую канву воспитания казака. Остальное, как говорится, нюансы. Пришло время по крупицам восстанавливать нашу казачью культуру. И в первом делом необходимо восстановить культуру воспитания казачат. Потому как они — будущее казачества. И что мы в них заложим, то и получится потом.

Как говорил один старик-казак: «Казакон много не бывает, но мало не покажется!»

Андрей Боярченко